

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВЪ

СТАСС
БАБИЦКИЙ
ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ГРЕМУЧИЙ СТУДЕНЬ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б12

Бабицкий, Станислав Александрович.
Б12 Гремучий студень / Станислав Бабицкий. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Изобличитель. Имперский детективъ).

ISBN 978-5-04-186596-2

Октябрь 1875-го москвичи запомнят надолго! Что ни день — преступление. Сначала ограбили сберегательную кассу, нагло, среди бела дня, на глазах у всего честного народа. Затем при загадочных обстоятельствах погиб актер Малого императорского театра Михаил Столетов, любимец публики и прекрасных дам. Не успели высохнуть слезы, а на пороге новая беда. В редакцию «Московских ведомостей» подбросили листовку с угрозами: скоро взорвутся самодельные бомбы с гремучим студнем, и Москва утонет в крови!

Сыщик Мармеладов подозревает, что три преступления связаны, и берется расследовать их одновременно. Ему помогает юная журналистка Лукерья...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бабицкий С.А., 2021
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2023
ISBN 978-5-04-186596-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Цилиндр и треуголка

I

Москва промокла насквозь. До Сергия-капустника небо лишь хмурилось, а с Покрова начался сущий потоп. Утренняя морось сменялась полуденной грозой, к вечеру налетал ветер с охапкой новых туч и скручивал их над городом, словно прачка, выжимающая белье. Лило, лило по всей земле! Люди дрожали и прятались под крыши, поминая святых угодников или чертову мать, в зависимости от степени набожности. Золотая осень, которую так любили воспевать поэты, в этом году загуляла где-то в европейских пасторалях. Вернулась одиннадцатого октября, смущенная и робкая. Выползла из подворотни, потягиваясь, как большая кошка, зашуршала хвостом из опавших листьев и потерялась рыжим боком о начищенные до блеска сапоги городского Кашкина.

Городовой жмурился на неожиданно яркое солнце и блаженно улыбался. Первый погожий денек осени, он же, может статься, и последний. А бабка в деревне сказывала: «Завсегда береги глаза на осеннем пригреве, не то песий сосок вскочит». Кому же охота такую напасть?!

По этой причине Кашкин почти не обратил внимания на высокого господина в черном плаще, прошедшего мимо. Разлепил веки лишь на мгновение — оценил роскошный цилиндр, благородную седину на висках, окладистую бороду и солидный живот, на бланманже да гурьевских кашах наетый. Шагает прохожий в сберкассу на Солянке. Третьего дня объявили сбор пожертвований на новые корабли для российского флота. Людской поток не иссякает, даже в воскресенье приходится работать — дело-то благое, государству полезное. Пусть идет добрый сын Отечества, несет свои денежки...

С подобной же мыслью встретил незнакомца кассир. Рука его сразу потянулась к казенному бланку, а другая поправила очки.

— Взнос изволите? — Клерк растянул губы на пару секунд, превращая лицо в деловито-дружелюбную маску. — На какую сумму?

Посетитель снял цилиндр, церемонно поклонился и, в свою очередь, спросил:

— Могу ли я видеть господина директора?

Ничего необычного в этом вопросе не было. В связи со сбором средств для флота на превышение лимита вкладов в 300 рублей смотрели сквозь пальцы. Но так как любая подобная операция считалась — формально, милостивый государь, только формально! — нарушением устава ссудно-сберегательной кассы, каждый раз требовалась одобрительная подпись начальника.

— Иван Лукич, вас просят! — крикнул кассир в коридор, не видный из-за конторки.

Затем макнул перо в чернильницу и неторопливо начал заполнять первые строчки бланка: «Принято по согласованию с господином Шубиным И. Л...» Почерк у него был каллиграфический, приятный глазу, посетитель невольно засмотрелся и не заметил, как появился упомянутый господин Шубин.

— Чем могу-с? — не тратя время на расшаркивания, спросил тот.

Господин в цилиндре тоже не стал ходить кругами, распахнул плащ и открыл под ним большую жестяную коробку, висевшую на шее.

— Тут у меня бомба, которая сию же минуту разнесёт это здание и похоронит всех под обломками. Если вы не передадите мне деньги из во-он того нестораемого шкапа!

II

Кашкина разбудили бесцеремонной оплеухой. Он вытянулся во фрунт, начал оправдываться: виноват-де, на минуточку прислонился к деревцу да глаза прикрыл... И мысли не возникло рывкнуть: «По какому праву?!» Мало кто отважится ударить человека в форме, если ему это не по чину. Городовой проморгался, оценил мертвенную бледность директора сберкасы и сразу все понял:

— Ограбили?

Шубин ничего не ответил, но кассир, маячивший за его плечом, кивнул. При этом впечатался лбом точнехонько в затылок начальника.

— Чего ты бодаешься... Скотина! — возмутился тот. — Беги в участок, скажи квартальному, чтобы мигом шел сюда со своими людьми... Постой, постой! Чучело... Контору-то запри. Растащат последнее!

Финансист глянул на серые тучи, наползающие с востока и грозящие скорым дождем. Поежился. Но лучше сто раз промокнуть, чем ответ за недостачу держать. Впрочем, обеих неприятностей не избежать, посему будет нелишне проявить рвение. Или хотя бы видимость рвения.

— А мы с тобой, сиволапый, пойдем грабителя догонять. Помчимся быстрее ветра! И так уж десять минут потеряли!

Кашкин застегнул мундир на все пуговицы.

— Чего же прежде не спохватились? Один свисток — и я скрутил бы гада.

— Во сне? — огрызнулся Шубин. — Ты лучше не зли меня. Иди, справься у дворника, какой дорогой ушел господин в цилиндре.

Раздражение его происходило от одного факта: стыдно было признаваться в малодушии. Он ведь незнакомцу на слово поверил. Год назад вряд ли бы поежился от такой угрозы. Эх, да что говорить, год назад, услышав про бомбу, никто и ухом бы не повел. Но в последнее время столько слухов ходит о проделках треклятых бомбистов. Взрыв там, покушение сям. В Петербурге по весне раскурочили особняк графа Шувалова, а в июле спрятали адскую машину на вокзале — рвануло так, что поезд с рельсов сошел. Тела убиенных прямо на перроне разложили, накрыли дерюгой, а жандармы об них спотыкались... Мудрые

люди говорили: «Ну, то столица. До Москвы не доберутся, что им тут куролесить». А в прошлом месяце бунтари бросили бомбу в контору обер-полицмейстера. Пятеро погибших, две дюжины раненых. Тайного советника Чарушина увезли в больницу после ужасной контузии. Если уж такая жуть творится... Как в бомбу-то не поверить?!

Шубин гнал от себя мысль о том, что коробка на шее господина в цилиндре была пустой. Возможно, стоило побороться с грабителем или крикнуть городского. Но Иван Лукич категорически не хотел умирать, тем более умирать болезненно, разлетаясь на мелкие кусочки. Поэтому выдал по требованию все деньги. И те, что успели собрать на новые корабли, и собственные фонды сберкассы. Самолично упаковал в гербовую бумагу, перевязал бечевкой для надежности. А потом грабитель велел десять минут не двигаться с места и не шуметь. Кассир порывался звать на помощь, но директор останавливал: «Погоди, а ну как сообщники «цилиндра» за дверью ждут. С ножичками». Послушно терпели, поглядывая на часы. Выждали с запасом, одиннадцать, чтоб уж на верняка.

Подбежавший городской доложил:

— Дворник видел, в Свиныйинский переулок бандит свернул. Надо торопиться. Иначе дододет до Хитровки, и поминай как звали!

Поспешили по следам хорошо одетого господина. Кучер, чинивший колесо экипажа, подтвердил:

— Агась. Был такой. Шел медленно, по сторонам не смотрел.

— А пакет в руках нес? — приплясывал от нетерпения финансист. — С гербовым орлом?

— Агась. Был такой. На вид увесистый.

— Куда направился?

— К церкви. Видите, впереди белые стены? Остановился, снял шляпу свою заморскую, перекрестился трижды. И дальше уж свернул в Подколокольный.

— Ей-ей, к Хитровке идет! Пропали денежки! И я пропал... Пропа-а-а-ал! — причитал Шубин.

— Не переживайте, догоним, — утешал Кашкин. — Давайте-ка поднажмем, Иван Лукич!

Городовой бежал, придерживая левой рукой саблю, а правой — фуражку. Следом, пыхтя и отплевываясь, катился пухлый директор сберкассы. Со стороны это выглядело презабавно. Встречные прохожие хихикали, но дорогу уступали, только у входа на Хитров рынок татарчата, играющие в ласи¹, кубарем покатались под ноги. Кашкин споткнулся, но сумел удержаться. Поймал одного из хулиганов за ухо.

— Ишь, шельмец! В кутузку захотел?

Чернявый мальчишка заголосил:

— Пусти, дядь! Больно! Чем я виноват-то?

Продолжая крутить ухо, городовой объяснил, обращаясь через голову постреленка к Шубину:

¹ Ласи — московская уличная игра, популярная в те годы. Правила простые: водящий крутится на одной ноге, остальные подбегают и пытаются сорвать с него шапку. Кто сорвал — тот и победил. Но если водящий осалит нападающего другой ногой, тот занимает его место.

— Полюбуйтесь, Иван Лукич, какую каверзу эти бестии придумали. Роняют вот так прохожего. Тут же охают, ахают, помогают подняться. Отряхивают пыль с одежды. А заодно воруют деньги, часы — все, до чего смогут дотянуться. Тем и промышляют.

Кашкин был, в сущности, неплохим полицейским, дело свое знал добре. Вот если бы еще поменьше ленился да не засыпал в карауле, давно бы выслужился в околоточные надзиратели. Он тут же учинил ворешке допрос. Татарчонок сознался, что видел бо-родача в блестящей шляпе.

— Хотел в карман залезть, но ён зыркнул, аж сердце заглодело. Сверток? Да-да, ён на боку сверток нес. Локтем придерживал, никак нельзя было выхватить. Бежал я за ним до Трех Святителей.

— Больших или Малых?

— Больших, дядь. Пусти ухо-то!

— Значит, говоришь, на Хитровку не завернул? — Городовой насупил брови. — А не брешешь, часом?

— Чтоб мне хлеба не жрать! — Мальчишка щелкнул ногтем по передним зубам. — Ён по переулку шел, а я следом. Проводил, почти до самого сада, но так момента и не улучил. Еле успел вертануться, а тут вы налетели.

— Ты мне разговорчики-то брось! Кто еще на кого налетел. — Подзатыльник Кашкин отвесил крепкий, аж ладонь загудела. — Беги, и чтобы больше со своей ордой не бедокурил!

Шубин хотел дать мальцу монетку за точные сведения, сунул руку в левый карман, потом в правый, залез во внутренний, чуть не по локоть.

— Ограбили, — пролепетал он. — Как есть ограбили! Второй раз за день. Стой, гаденыш!

Но стайка карманников уже прыснула во все стороны, поди догадайся, кто улепetyвает с кошельком.

«Ладно, пусть их! — думал банкир на ходу, поскольку бежать уже не было сил. — Снявши голову, о волосах не рыдают. Что там, в карманах, было-то, рублей пятнадцать от силы. Бомбист же, подлец, унес почти двенадцать тысяч! Причем бумажными деньгами. Золотом и серебром лежало в кассе еще тысяч шесть, но он не позарился. Понятно, чтобы тяжести не таскать — там выходило не меньше полпуда! Сразу видно, с образованием грабитель. Крестьяне и работники с фабрик, те в ассигнации не верят. Монету подавай, хоть мелкую, а чтоб звенела!»

Он остановился, задохнувшись от быстрой ходьбы и шальной мысли.

«Кстати... Никто пока не знает, что грабитель оставил кучу денег. Может, поживиться за его счет? Прикарманить остаточек?»

Шубин покачал головой и снова пустился в погоню.

«Нет, вздор! Это же с кассиром придется делиться. Иначе выдаст, мелкий гнус! Но если пополам забрать, все равно по три тысячи выйдет на брата. Стоит рискнуть? Заманчиво...»

Он сбился с шага, задышал быстро и судорожно, словно вот-вот свалится замертво.

«Нет, пустое. В сберегательной кассе уже ввсю протокол составляют, а значит, никак не можно украсть. То есть можно, конечно, но придется еще на

долю квартального отложить да городовым отсыпать. Не так много в итоге достанется, чтоб на каторгу за это идти. Да и со службы попрут непременно».

Финансист припустил вслед за Кашкиным, который уже сворачивал за угол.

«Хотя, скорее всего, и так попрут, деньги ведь собирались на укрепление флота по личному указу императора. Сгорел, сгорел Шубин!»

— Иван Лукич, — отвлек его от мыслей полицейский, — это что же получается? Грабителя я, хоть и мельком, но разглядел. Одежда у него как у посетителей ресторана на Охотном ряду или оперы какой. По походке, по осанке, по всему выходит, что благородных кровей. С чего же на грабеж сподобился? Налетчики-то обычно костюмчик носят неброский, серенький. А этот — в цилиндре, его ж за версту видно! И на кой ляд солидному господину по скользкой дорожке идти?!

— Много ты понимаешь! — огрызнулся Шубин. — Среди солидных господ встречается больше воря, чем промеж босяков на Хитровке. Прибавь шагу, увалень!

Они приближались к Кокоревскому саду. Сто лет назад его разбил на холме какой-то подзабытый князь, чтобы в гордом одиночестве любоваться видом на Кремль. Потом по его завещанию здесь устроили пансион для отпрысков дворянских фамилий. А недавно имение выкупил купец Кокорев, открыл тут гостиницу и пускает в сад всех желающих. «А как сделаешь что-то для людей, тут и конец всему! — подумал директор сберкасы. — Уже и лестница на холм

обветшала, и каменные ступени трещинами пошли, рассыпаются под ногой. Зато все эти новоявленные социалисты рады-радешеньки: всегда было только для дворян, а теперь всякий может зайти и нагадить. Обязательно нагадить, именно потому, что не дворяне, а варвары. Вот сначала садик, потом и вся империя падет под их грубым напором. Ох, беда, беда. Может, и вправду взять оставшиеся деньги и сегодня же бежать в Женеву? Пока не поздно...»

— Вот он! Попался! — прокричал городской, опередивший задыхающегося Шубина на семь ступенек.

Когда финансист поднялся на верхнюю площадку, глазам его открылось невероятное зрелище. Возле цветочной клумбы сидел грабитель. Привалился спиной к подножию каменной чаши, цилиндр откатился на пару шагов, но он этого не замечал. Отрешенно смотрел на жестяную коробку, которую держал на коленях. Куда подевался былой апломб, с которым этот тип вошел в сберкассау? Сейчас он больше всего напоминал человека, сбитого резво скачущей лошастью. Бандит даже не поднял на них глаза, все смотрел на бомбу и шептал себе под нос:

— Обманули... Они меня обманули.

Но самое странное, а для Шубина это оказалось еще и самым страшным, — свертка с деньгами нигде не было.

III

К вечеру снова обрушилась непогода. Дождь в одно мгновение смыл солнце за горизонт, только что высушенные бульвары и подворотни утонули в се-

рой слякоти. А вслед за ними зябко задрожали парки и сады, включая Кокоревский, где дежурили Кашкин и два его сослуживца.

— Вот ты, Мартын, ноешь и ноешь. Зачем, дескать, мы тут кулючим... А нам доверена охрана места про-ис-шествия. — Героя дневного задержания поначалу хотели представить к награде, но когда узнали, что он проспал момент ограбления и денег потом не нашел... Сослали в ночной караул, и это Кашкин еще легко отделался. — Завтра ждут следователя из Петербурга. Особо важного! По телеграфу в Охранное отделение сообщили про бомбу, а оттуда ответ пришел: стеречь пуще глаза место про-ис-шествия и задерживать любого, кто ночью сунется. Для выяснения, значит.

— Так-то оно так, но лучше бы нам дежурить в сберкассе. — Мартын, невысокий юнец с заячьей губой, кутался в черный клеенчатый плащ с капюшом. — Под крышей. В тепле и сухе.

Третий полицейский, Евсей, краснорожий крепыш из бывших крепостных, курил дрянную махорку, прикрывая самокрутку ладонями от дождя и ветра.

— А что же, непременно нужно ждать шишку из столицы? — покашливая, спросил он. — Нешто сами не справимся?

— Хрен знает, — пожал плечами Кашкин, — может, справимся, а может, и нет. Но раз в деле замешаны бомбисты, значит, оно сразу какое?

— Известно какое. Политическое.

— О! А значит, без особого следователя никак нельзя!

Городовым полагалось патрулировать сад, обходить его по периметру каждые полчаса, а в остальное время контролировать лестницу, смотровую площадку и зону отдыха. Но в этом углу, где сплелись кроны больших деревьев, было тихо и почти не капало. Потому все трое тут и стояли. А выйдешь из укрытия, пиши пропало! Промокнешь насквозь, да еще и за шиворот натечет...

— Ты признавайся, как с бомбой справился! — Евсей толкнул приятеля в плечо, нарочно, чтобы тот охнул.

Историю эту Кашкин пересказывал уже трижды, но с каждым заходом она обростала новыми, уже совершенно фантазийными деталями, поэтому слушать не надоедало.

— Ну как... Открыл я, значит, жестянку. Надо же посмотреть, вдруг там бомбы никакой и нет. А она есть. На первый взгляд как холодец из свиных мослов. На самом донышке склянка тоненькая, и к ней две гайки привязаны. Чуть встряхнешь, стекло лопнет, и этот студень взорвется. Погибнем все неминуемо! Помощи ждать неоткуда. Грабитель в полной прострации от страха. Директор ограбленный за сердце хватается, блеет что-то про деньги. Взял я жестянку эту и понес тихонечко, шаг за шагом... Смотрю вокруг — бабы, дети. А мне, как назло, чихнуть захотелось. Свербит, что у девицы на выданье. А как тут чихнешь, ежели от лютого сотрясения эта зараза взорвется.

— Ну?

— Вот тебе и ну! Полверсты ташил, в любую минуту жизнью рисковал... — Тут городской закатил

глаза к небу, хотя в темноте это смотрелось не слишком эффектно.

На самом деле все было не совсем так — бомба по-прежнему висела на шее у грабителя, а Кашкин его лишь конвоировал, чтобы не сбежал. Но если человек врет часто и нагло, то и сам в какой-то момент начинает верить в собственные рассказы.

— Пришел на набережную, вижу — лодок нет, пустая Яуза. Размахнулся и кинул бомбу на середину реки. Она чуток побулькала и взорвалась под водой. Такая волна поднялась, меня на берегу с головой накрыло. Насквозь промок, хотите — пощупайте.

— Ливень же, — затынулся самокруткой Евсей. — Все мокрые.

— Не скажите. Меня промочило до исподнего!

— Может, ты от страха исподнее-то промочил, — хохотнул Мартын. — А нам щупать предлагаешь...

Помолчали. Кашкин насупился, вроде как от обиды, но остальные понимали, что это только поза и вот-вот последует продолжение. Оно и последовало.

— Коробка-то два пуда весила, — заговорил городской, потирая шею. — И еще толстенная цепь на ней. Пока дотащил, плечо себе вывихнул.

— Два? Ты же всего час назад говорил, что пуд, — срезал болтуна Евсей.

— А хоть бы и пуд, — не смутился тот. — Все одно тяжелая.

— Как же ее грабитель на шее таскал и вообще не сутулился?

— Ты еще определись, куда бомбу кинул, — уточнил Мартын. — То говорил, в Москву-реку, а теперь, выходит, в Яузу?

— А эта... Мы до Устьинского моста дошли. Там же стрелка, две реки сливаются. Обшибся в прошлый раз, братцы.

— Просто враль ты, стыда не ведающий, — без всякого осуждения проговорил Евсей, затягивая новую самокрутку. — А мне знакомец сказывал давеча, что пока ты тащил бомбу, на набережную успели прискакать два сапера из артиллерийского батальона. За ними послали, как только кассир тревогу поднял. Аль нет?

— Подумаешь, саперы...

— Они-то бомбу открыли. Со всеми осторожностями, чтоб не рванула. А ты отбежал подальше, рухнул на колени, рыдал, молился.

— Молился. А чего же плохого-то в молитве?

— Перетрухнул ты неслабо, выходит, а взрывчатка оказалась фальшивой.

— Как? — ахнул Мартын.

— Так, — хитро прищурился Евсей. — Наш герой не случайно холодец поминал. Им коробку и наполнили, издали похоже на гремучий студень, но армейские понюхали и зараз уяснили, что это не бомба вовсе, а шутиха. Опасности никакой! Поэтому ни в сберкассе, ни в саду, ни в реке ничего бы не чебурахнуло.

— Проведал, значит... Зачем же меня три раза пересказывать просил? — засопел Кашкин.

— Уж больно красиво брешь. Заслушался невольно.

— Погодите, я не понял, — юнец с заячьей губой нервно сглотнул. — Ежели это розыгрыш, зачем же следователь едет из Петербурга?

— Небось не успели предупредить. Он сорвался в Москву, а как доберется, тут и огорошат: зря तो-ропились, ваш-бродь! То-то разозлится столичный чин. Заорет: «Подать сюда Кашкина, тудить-растудить! Сто плетей ему за ложную тревогу! А лучше все двести, чтоб и другим в назидание!»

— Братцы, да как же ж... Я же своими глазами... А вдруг сперва там как раз бомба была, но я помог, и Господь милосердный превратил взрывчатку в холодец?! Он умеет! Он воду в вино превращал, что ему стоило нас спасти. Вокруг ведь бабы, дети...

— Хорош заливать! — набычился Мартын.

— Ты это дождю скажи! А то мокнем тут, как три сосны на Муромской дороге.

— Погодите-ка, — насторожился Евсей, отбрасывая окурок. — На лестнице... Крадется кто-то.

Мартын испуганно оглянулся.

— Тьфу ты, черт! — Он сбросил капюшон и прислушался. — Вроде тихо. Небось, шавка бродячая забежала, а как нас услышала — прижухла.

— Может, шавка. — Евсей всматривался в темноту. — А может, и черт.

— Так пойдй, проверь.

— Цыц! Раскомандовался он тут. Молод еще, сам и сбегай.

Юнец с заячьей губой шагнул под проливной дождь и тут же вернулся обратно.

— А может, вместе, а? — умоляюще протянул он.

— Боязно одному? — хмыкнул Кашкин. — То-то! На словах все смелые... Ладно, пойдемте вместе. Гуртом и черта бить легче. Да и по уставу положено!

IV

В это же время примерно в пяти верстах от промокшего сада, на Пречистенке, из закрытого экипажа вышли два господина в нелепых шляпах. Пробежались, перепрыгивая лужи, чтобы поскорее оказаться под навесом. Здесь выяснилось, что тот, который носил покосившийся цилиндр, — это финансист Шубин. Второй же, одетый в шинель почтмейстера, сбивал дождевые капли с архаичной черной треуголки, украшенной желтым пером.

— И вот представьте, Иван Лукич, — продолжил он разговор, начатый в карете, — поспорили мы с полковником Ковничем, кто на охоте больше фазанов настреляет. Я предъявляю трех, а у него семь, такая вот пропорция... Проиграл, и сорок дней вынужден носить на голове это старье. Неудобно, прохожие на улицах хихикают, дети кричат «прусак»! А самое неприятное, набирается в шляпу дождевая вода. Поклонишься при встрече миленькой девице, и тут ей водопад в лицо.

Директор сберкассы не прислушивался к этим словам, погруженный в мрачные мысли. Надежды спастись от сурового наказания уже практически

